

ДОЖНИК И ВРЕМЯ

24 сентября 1987 г. 5

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Программа вечера объявлена не была. Все ждали сюрприза. Так оно и было. В день пятидесятилетия Камерного музыкального театра его бессменный руководитель решил подшутить над журналистами и провести пресс-конференцию. Пресс-конференция наоборот: вопросы задавал сам В. А. Покровский. Простил ругать театр и давать советы. Но ругать театр никто, конечно, не стал. В зале собрались поклонники, была даже студентка, которые по субботам помогают на стройке нового здания. Говорили много. О Покровском, о певцах, боялись кого-то не назвать: ведь артисты здесь работают на равных — и за солистов, и за хор, и за миманс. И все же творческие лидеры в Камерном театре есть. Для заведующей одним из них является Мария Лемешева, замечательная певица и человек. И потому, что она одна из тех, с кого Камерный театр начинался, и потому, что она самая репертуарная актриса, и потому, что в ее судьбе, как в фокусе, собрались проблемы артистов необычной труппы.

Монолог композитора

«Я вспоминаю 1967 год. Выпускной курс Бориса Александровича Покровского готовил в качестве дипломного спектакля мою первую оперу «Кто ты?». Арии в опере были написаны на специально подобранные стихи Ахматовой, Вознесенского, Евтушенко. Владимир Высоцкий написал для этой оперы два номера. А начиналась она так: открывался занавес, на сцене — два рояля, оркестр сидел в яме. Вышла очень строгая, совсем юная девушка, ставила на пюпитр ноты, появлялись пианисты, и действие начиналось. Вот этой девушкой, которая открывала действие, и была Маша Лемешева.

Шло время. И я вновь встретился с замечательной певицей, уже солисткой Камерного музыкального театра, Марией Лемешевой. Когда возникла идея постановки в Камерном моей оперы «Граф Калиостро» (по мотивам повести А. Толстого), я просил Бориса Александровича Покровского, чтобы партию Прасковьи Петровны пела именно Маша Лемешева. Когда же мы с Машей смотрели эту партию, она вдруг попросила меня ее вокально усложнить. Мне это показалось странным: никто из певцов никогда с такими просьбами ко мне не обращался. И я решил проделать эксперимент, подумав: «Ну ладно, хотите партию усложнить, я вам ее усложню!». И я действительно ее усложнил: партия Прасковьи Петровны все построена на фигурах и необычайно трудная вокально (фигуры по всему регистру, на интонациях смеха, речи и т. д.). Я полагал, что Маша не сможет ее петь и попросит вернуться к первоначальному варианту. И моему изумлению, она сделала эту партию, и сделала блестятельно. Тогда я понял, что она — не просто прекрасная певица, она — из числа одержимых».

Когда слушаешь Лемешеву в партии Прасковьи Петровны из комической оперы Микаэла Таривердиева «Граф Калиостро», действительно захватывает дух от головокружительных рулад, которые воспринимаются не как пустое украшательство, но передают колорит речи героини, ее характер. Редкое сочетание изящества и кокетства, жеманства, капризности и обаяния. Сам облик Маши словно создан для этой роли: для принуденного парня и кринолина, она и правда как будто только что сошла с портрета XVIII века.

Впрочем, так можно сказать о многих ролях, исполненных ею. В опере Ленинградского композитора Л. Десятникова «Бедная Лиза» кажется, что только такая — примодушная, чистая — и может быть Лиза. Но совсем недавно я узнала, что спектакль этот снят с репертуара Лемешевой отказалась его петь.

Разговор в артистической

Сидим друг против друга рядом с голубым с цветами платком Прасковьи Петровны. На гримежном столике — вазиты кудря парика. Маша смотрит строго, и ее гладко зачесанные назад прямые волосы кажутся такими же непре-

ОДЕРЖИМАЯ

клонными, как и ее манера говорить. Про себя думаю, что она мало похожа на актрису. Жесткая, немного угловатая. Она говорит коротко. Жизнь укладывается в три предложения: ГИТИС, два года проработала в Воронежском оперном, потом — и до сегодняшнего дня — Камерный театр.

Пытаюсь навести ее на разговор о семейной традиции — ведь как-никак дочь знаменитых певцов Сергея Лемешева и Ирины Маслениковой. В ответ словно отреагировала: «Мама вообще не хотела, чтобы я поступала в ГИТИС и была певицей. Ведь до института я вообще не училась вокалу. Считаю, что у меня нет голоса. Правда, когда я поступила неожиданно для всех в ГИТИС, мама взяла меня к себе в класс».

Она зажигается совсем неожиданно, от безысходно-банального вопроса о любимых ролях: — Вы не поверите (темп речи становится быстрее), крошечная драматическая роль старухи в «Двенадцатой ночи» А. Колманова. Меня так просто никто не узнает. Конечно, люблю Прасковью Петровну. Но петь эту партию сложно: в каждом спектакле нужно как-то особенно готовиться, партия требует блеска. Не всегда получается. А вот «Ожидание» Таривердиева, главная героиня которой современная женщина, могут петь в любое время дня и ночи, всегда настроена на нее. Темперament как бы автоматический выключается.

На днях мне удалось послушать радиодию запись монооперы «Ожидание». Вроде бы уж столько раз слышала в театре, но музыка вновь захватывала так сильно, как в первый раз. Лемешева пела не просто поразительно, мастерски, блестяще меняя эмоциональную выразительность голоса. «Одержимая», — вспомнила я слова композитора.

— Почему вы перестали петь «Бедную Лизу»?

— Как же я буду петь сейчас Лизу, если ей не было двадцати?..

Я думаю о том, что, хотя она и не относится к женщинам, которые скрывают свой возраст и катастрофически боятся сложения десятилетий, ей действительно уже не двадцать. Как и всем, кто пришел в Камерный театр в год его основания. Среди них — прекрасные певцы, блестящие актеры: она так и провела свою творческую жизнь в «подвале на Соколе». Театр — любимое их детище, где они — единственные —

поют десятки опер, где они экспериментируют и создают новую эстетику оперной сцены и, если это нужно, пьют или приносят ла и мало ли что еще делают, этот театр отнимает у них все — силы, время, годы. Камерный театр знают многие. Но даже на имена лучших солистов дождется тень неизвестности широкой публике, не говоря уже о том, что ни у кого из ведущих артистов нет почетных знаний.

Я помню, с каким успехом прошли камерные концерты Лемешевой в зале ВТО, понимаю, что для широкого слушателя это огромная потеря — не слышать Лемешеву часто и с разными программами (а она исполняет камерная певица, каких у нас считанные единицы). Но маленькие и большие роли — почти каждый вечер — не пускают. Театр держит.

Спрашиваю, не жалеет ли, что не успела. Задумывается. Неожиданно говорит: «Вы знаете, как Борис Александрович поставил «Ожидание»? Ему все было некогда. А мне очень хотелось это петь. Он встретил меня в театре и сказал: «Хочешь петь, я сейчас поставлю». Продиктовал мизансцены. И ушел. Я помчалась репетировать. Стала петь и повторять движения. Вы не поверите: последний такт музыки точно сошел с окончанием поставленной им мизансцены. Меня это потрясло. Поразительно чутко музыка... Нет, не жалею».

На спектакле

В маленьком фойе театра — привычные теснота и оживление. Играют «Похождения по-весы» Стравинского — комическую оперу-пародию. Хорошо приправленная иронией сочинение, блестяще поставленное Покровским еще несколько лет назад. Спектакль идет после большого перерыва: в репертуаре свыше десяти оперных названий, а хранит декорации негде. Вот и обтравляются, спектакли, даже самые лучшие, слетают с афиши. Так что сегодня — почти премьера.

После нескольких ударов в колокол все спускаются в зал. Повеся отправляется в свои похождения. И вот тут-то весь зал становится местом бурно развивающихся событий. И если все — и главный герой, и его друг-соратник, чист и тураника с бородой и обитательницы публичного дома смешны, гротескны, то Лемешева (она поет партию Эни — самоотверженной, милой провинциальной девушки, спасающей душу своего жениха-повесы) привносит в спектакль ноту подлинного чувства, чистоты и романтичности, душевного порыва. В атмосфере некоторой ступидности, привычной в этом театре, она чуть-чуть академична, хотя отнюдь не вопреки свободе и раскованности. Ее героиня пельна, продуманна, точна... И вновь возникает ощущение, что только это и есть ее единственная роль.

Стихли аплодисменты. Зрители медленно расходятся, пустеет зал. Мы поднимаемся по узкой лестнице, ведущей в артистический, проходим мимо двери с вывеской: «Склад парик». Открываем маленькое окошечко, и мы видим: на гвоздях уже висят парики с косичками и пышными бублями. Путешествие в XVIII век закончилось. Вот и Маша снимает чепец со своих пышно причесанных волос. Присматривается к себе на сцену. Она выходит, такая не похожая на свою героиню, но еще разгоряченная, взволнованная. «Строгая, как учительница», — говорит наш фотокорреспондент Саша Сизухин, когда Маша садится прямо и слегка угловато. — Трудно ее снимать. Упрямая. Мы усаживаем ее на стул рядом с портретом Стравинского. Она послушно старается улыбаться, но видно, что ей трудно позировать перед объективом и быть послушной. Ведь она не из тех, кто играет чью-то роль в жизни. Она всегда такая, какая она есть. Упрямая, одержимая. Такой ее вы и видите на фотографии.

В. КОЛОСОВА.

● М. Лемешева.

Фото А. Сизухина.